

Иннокентий Анненский

Лаодамия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А68

Анненский И.
А68 Лаодамия / Иннокентий Анненский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 66 с.

ISBN 978-5-4241-2637-6

В книгу вошли четыре трагедии И.Ф.Анненского на мифологические сюжеты: «Меланиппа-философ», «Царь Иксион», «Лаодамия», «Фамира-кифарэд». Один из крупнейших русских поэтов рубежа веков Иннокентий Анненский — еще и замечательный драматург и переводчик античных трагедий. Оставаясь в стороне от бурных споров и дискуссий, он, тем не менее, убежденно отстаивает свое представление о природе и назначении драматического действия. Читатель не только получит подлинное наслаждение, следуя за прихотливыми изгибами мысли поэта и интерпретатора-эрудита в одном лице, но и пополнит свои знания об античной драме и древнегреческом театре.

ISBN 978-5-4241-2637-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Иннокентий Анненский
Лаодамия

ЛИРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ В 4-Х ДЕЙСТВИЯХ С МУЗЫКАЛЬНЫМИ
АНТРАКТАМИ

Dum careo veris, gaudia falsa juiuant.

Ovidius¹

Посв. сыну

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трагедия Лаодамии взята нами из античной версии мифа о жене, которая не могла пережить свидания с мертвым мужем.

Один из любимых мотивов римской лирики и трогательное украшение саркофагов, эта сказка о фессалийской Леноре не считалась, однако, в древности богатой сценическими эффектами, и Еврипид с своим «Протесилаем» был едва ли не единственный греческий трагик, которого она пленила. От «Протесилая» уцелели скудные отрывки, и ученым не удалось до сих пор восстановить не только хода действия, но даже содержания этой трагедии.

Мужа Лаодамии звали Иолай, он был сыном Ификла, царил в Фессалии, над городом Филакой, и был убит на троянском берегу, куда ступил первым.

Протесилай стало его прозвищем, и этим словом отмечалось его первенство. Дома он оставил, по словам Гомера, «едва заведенное хозяйство» (В. 701, cf. *lat. domum inceptam frustra*).

Беглый след мифа о Протесилае в каталоге кораблей стал зерном Еврипидовой трагедии, но поэт со свойственной ему чуткостью к легендам страдания перенес ее центр с погибшего героя на его погибающую жену.

Пафос и гибель Лаодамии в последующей литературе и у ваятелей стали, под влиянием Еврипида, почти исключительным центром художественного интереса. Только 23-й разговор «из царства мертвых» Лукиана рисует загробное желание Протесилая, обращенное к Плутону и Персефоне (*luc. op. ex recogn. Jacobitz, I, 177 sq.*), и там он — первый и главный.

У Еврипида Протесилай наавтра после свадьбы или даже прямо с брачного пира уходит в поход под Трою, но об этом, конечно, только передавалось в трагедии. Разгневанная прерванным браком, Афродита не дала Протесилаю и после его геройской смерти разлюбить Лаодамию, и он вымолил себе у подземных богов три часа свидания с своей молодой женой. Действие происходит в Филаке, перед хором местных женщин, мужа которых ушли с Протесилаем, и это теснее сближало оркестру со сценой. Декорацию составлял фасад того дворца, где Лаодамия, дочь царя Акаста из Иолка, была новой и одинокой хозяйкой. Отпущенный из преисподней Протесилай появлялся и говорил на сцене, но, вероятно, не в виде загробной тени, как Клитемнестра «Евменид», а так, что жена могла принять его за живого человека. Когда из его слов, или, может быть, по миновании трех условных часов, Лаодамией становилось ясно, что возвращение Протесилая, а следовательно, и начало ее новой счастливой жизни — только обман, она закальывалась или в порыве отчаяния, или покорная призыву мужа.

Вот остов содержания пьесы Еврипида, как устанавливается он в современной литературе предмета (см. особенно: Maximilian Meyer, *Hermes*, 1885, 20. В. *Der Protesilaos des Euripides*. S. 101–143 и W. H. Roscher, *Lexikon s. v. Laodamia*).

Он содержит зерно драмы, но мы еще не различаем в его очертаниях Еврипида.

В «Протесилае», несомненно, были черты, которые трудно включить в намеченные рамки. В трагедии играл роль Акаст, отец Лаодамии, и очень вероятно, по аналогии со старыми отцами в пьесах Еврипида, что роль эта так или иначе соприкасалась с трагической смертью героини.

Позволю себе выписать по этому поводу несколько строчек из моего предисловия к переводу «Ипполита»: «Еще одна чисто еврипидовская черта в исходе „Ипполита“: этот поэт любит, разрешая драму, т. е. убивая, исцеляя и примиряя людей, оставлять в ней до конца одно разбитое сердце, на жертву тоске, которая уже не может пройти: таков у него Кадм „Вакханок“, таков старый Амфитрион, таков и Фесей. Буря утихла, трупы убраны, но безветренное море все еще тихо качает около берега черный остов разбитой барки» (отд. отт. из Ж. М. Н. Пр. за 1902 г., стр. 85 сл.). Затем не подлежит никакому сомнению, что у Лаодамии (подобно Адмету «Алькесты» VV. 348–356) была портретная статуя ее мужа и что она не только любила своего «бездушного друга» (слова Еврипида), но, по-видимому, и защищала статую от людей, которые восставали против ее болезненно страстного отношения к восковому Протесилаю.

Кроме того, героиня Еврипида, действительно ли или только напоказ, но соединяла свой страстный культ Протесилая с вакхическими обрядами, может быть, в честь Диониса-Загрея, бога мертвых.

Наконец, способ и момент самоубийства Лаодамии остаются неразъясненными. Имели ли они какую-нибудь связь, и если имели, то какую именно, с восковым слепком Протесилая, мы не знаем. Один латинский мифограф-компилятор Гигин рассказывает (Hug. CIV), что Лаодамия бросилась в костер, на котором Акаст приказал сжечь ее воскового мужа. Остроумные соображения критики подорвали нашу веру в то, что компилятор точно передал содержание исхода Еврипидовой драмы. Но загадочными по-прежнему остаются слова Овидия (Rem. av. 723):

Si potes, et ceras remove. Quid imagine muta
Carperis? Hoc periit Laodamia modo.

Т. е.

Если можешь, удали и восковые портреты.

Зачем пленяться немим изображением?

Именно таким способом погибла Лаодамия.

От них еще далеко, конечно, до рассказа Гигина.

В новой литературе мне известна на сюжет «Протесилая» лишь трагедия Станислава Выспянского «Protesilas i Laodamia», напечатанная в 1899 г. в Кракове, в журнале «Przeglad polski».

Автор заставляет свою героиню заколоться после галлюцинации таинственного брака ее с Протесилаем. С большим художественным тактом польский поэт сделал героя безмолвным. Пьеса написана в эсхилловском стиле, вычурным архаизирующим языком; проза причудливо мешается в ней со стихами, а ремарки местами заглушают текст.

Теперь несколько слов pro domo mea.²

У меня Лаодамия бросается в огонь. Я не хочу этим реабилитировать текст Гигина и вполне допускаю, что Овидий знал трагедию Еврипида лишь по пересказам, и, может быть, искаженным. Но смерть от вольного удара мечом кажется мне столь же мало соответствующей натуре Лаодамии, сколько характеру ее пафоса. Замечу при этом, что и для героинь Еврипида такая смерть не была обычной: Канаке прислали меч, а Поликсену закололи; нож не достиг Ифигении, и Электра не успела воспользоваться мечом Ореста.

Во всяком случае, Лаодамии более всего подобала огненная смерть, смерть жертвы; трагический жест Эвадны мог один соединить ее с мужем, хотя бы in

effigie.³ Костер является у меня по ходу действия, и его вовсе не раскладывают, чтобы растопить восковую куклу. Может быть, так было и у Еврипида. Выходил ли на сцену Еврипида Гермес, как предположил Велькер? (Die gr. Trag. 2. Abt. 497).

Если допустить, что боги, а за ними и Еврипид, дали Протесилаю трагедии реальное существование, то психопомп с его золотой тростью был бы, конечно, только сценическим балластом, тем более что Еврипида не стесняла никакая мифическая традиция.

В трагедии, которая следует, скептический и задумчивый Гермес-созерцатель не претендует быть ничем, кроме бледного отражения своего классического собрата.

Если на богов Олимпа не распространяется закон эволюции, им суждено по крайней мере вырождаться.

И. А.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в порядке их появления на сцену

Хор — девушки, жены и вдовы.

Лаодамия — дочь царя Акаста из Полка в Фессалии и жена царя Иолая.

Кормилица ее — старуха.

Вестник.

Гермес.

Тень Протесилая (раньше Иолая).

Мальчик-раб.

Акаст — царь Иолка, отец Лаодамии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет фасад царского дворца в Филаке (в Фессалии). На сцене никого. Раннее утро. Небо синее, но в облаках густо белых и разорванных. В воздухе осень. Перед домом большой ткацкий стан с закрытой работой. У средних дверей золотая статуя Артемиды.

Женский хор за сценой.

СТРОФА 1

Мех на плечах,
Пламя в очах,
Где ты кружишь, менада?
Факел чадит,
Бубен гудит,
Сердцу любви не надо.

Звуки приближаются, изредка перебиваясь печальными и тяжелыми ударами бубна.

На оркестру спускается толпа женщин и девушек, старых и молодых. В одеждах мало нарядного и пестрого: преобладают серые и лиловые тона. Часть несет кувшины и после вступительной песни покидает оркестру. Образуются группы. Иные поднимаются на сцену и убирают цветами подножие статуи Артемиды.

В это время часть хора, одетая в короткие одежды и с кинями на головах, поет.

АНТИСТРОФА 1

Темен покой,
Дерзкой рукой
Ложе мое не смято,
И, холодна,
В полночь одна,
Тенью лежу объята.

СТРОФА 2

Невесты

Группа в белом сопровождает пение мимикой.

Пена волны
Моет челны,
Море, клубясь, златится,
Парус дрожит,
Птица кружит,
Сердце мое — та птица.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Во время строфы второго мелоса из правых дверей дворца выходит старая

кормилица, простоволосая и в коричневом. Она обменивается с женщинами приветом и подходит к краю сцены.

Хор молодых жен

АНТИСТРОФА 2

Простертые руки и лица обращены в сторону моря.

Спишь или нет,
Сладок ответ
Из серебристой дали.
Нежной игры
Тира ковры
Ночью напрасно ждали.

Кормилица

(к певцам)

Росу ланит Владычица морей
Вам, нежные невесты, пусть осушит,
Пусть факелы желанные скорей
Сперва зажжет она, потом потушит.

Сцена пляски женщин. На оркестру спускается хор вдов со спущенными вуалями, у иных волосы обрезаны, у других косы распущены и иногда, свешиваясь на лицо, заменяют откинутый вуаль.

СТРОФА 3

Не политы,
Вянут цветы.
Страшны голодные осы.
И завились,
И развилась
Даром тяжелые косы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Из средних дверей во время пения этой строфы выходит Лаодамия. Она высокая и тонкая, с пышными белыми косами и в белом. В линиях и движениях что-то стыдливо-девическое. Розовые локти и тонкие белые пальцы без колец. Глаза карие с розоватым отблеском.

Знаки почтения и участия в хоре. Кормилица обращается к царице лицом. Лаодамия останавливается в дверях и кланяется хору. Во время пения следующей антистрофы она делает несколько шагов по сцене, и, по ее знаку, сопровождающие ее рабыни, открыв работу, начинают налаживать ткацкий стан.

АНТИСТРОФА 3

С дальних берегов
Мне жемчугов
В нитях не путать змеистых.